

къ Гробу Господню? Они надѣются тамъ покаяться, чтобы снова бездѣльничать на пути въ свои торговыя темныя лавки“.

Ничего особенно благожелательнаго не могъ высказать архимандритъ Порфирій и въ отношеніи къ нѣкоторымъ представителямъ русской власти на Востокѣ. Они не стѣснялись, повидимому, иногда очень грубо злоупотреблять своими полномочіями и часто въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ и расчетамъ приносили существенные иногда интересы тѣхъ учреждений и лицъ, представителями которыхъ они являлись въ чужомъ краю и довѣріемъ которыхъ пользовались. Такъ, на 164 страницѣ I тома „Книги своего бытія“ онъ, со словъ іерусалимскихъ владыкъ, указываетъ, между прочимъ, на то, что „русскій генеральный консуль, Базили, держитъ у себя драгомана-маронита, покровительствуетъ католикамъ (іезуитамъ, уніатамъ) и за то пользуется отъ нихъ деньгами и, что всего постыднѣе, женщинами. Патріархъ антиохійскій Меѳодій, продолжаемъ начатую нами выписку, весьма недоволенъ этимъ грекомъ. Надобно полагать, что патріархъ, по простотѣ своей и по ревности ко благу церкви, расскажетъ мнѣ похождения и интриги консула. „Не даромъ батюшка, промолвилъ по этому поводу, обращаясь къ архимандриту Порфирію, ближайшій его спутникъ, о. Григорій, Базили ухаживаетъ за вами; онъ хочетъ обаять васъ, приласкаться къ вамъ, а можетъ быть и взять васъ въ свои руки.“—Увидимъ, отвѣчалъ я. *Dies docebit.*

Совершенно мимоходомъ и какъ бы между строкъ даетъ архимандритъ Порфирій маленькую характеристику и іерусалимскимъ евреямъ. Онъ касается, впрочемъ, одной только ихъ національной черты—хитрой всегда и во всемъ изворотливости и дѣлаетъ это, повидимому, съ единственной цѣлію оживить нѣсколько путевыя записи своего „Дневника“ этой небольшою, но забавной вставкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удержать извѣстное значеніе и затѣмъ нѣсколько анекдотическимъ рассказомъ, который, при всей своей незначительности, все же можетъ считаться очень типичнымъ для того племени, которому и до сего еще времени по преимуществу приписывается необыкновенная во всемъ изворотливость и ловкость.

Внося такой полушуточный рассказъ въ свой путевой „Дневникъ“, архимандритъ Порфирій ни словомъ не упоминаетъ о томъ, къ какому вѣроисповѣданію могъ бы принадлежать еврей, вызванный турецкимъ пашей для опредѣленія и провѣрки на немъ нѣкоторыхъ свойствъ и особенностей іудейскаго племени. Очевидно, что въ рассматриваемомъ отношеніи архиманд-

рить Порфирій гораздо больше значенія придавалъ національнымъ чертамъ даннаго народа, чѣмъ тѣмъ или другимъ чисто вѣроисповѣднымъ на него вліяніямъ, какъ бы ни были сильны таковыя сами по себѣ и неотразимы.

„На дорогѣ къ Птолемандѣ, пишетъ архимандритъ Порфирій въ своемъ „Дневникѣ“ подъ 14 декабря 1843 года, одинъ молодой турка, родомъ изъ Іерусалима, рассказывалъ анекдоты о хитрости іерусалимскихъ жидовъ.—Одинъ разгульный паша, желая повѣрить молву о ихъ хитрости, призвалъ къ себѣ одного жида и приказалъ ему оправдать предъ нимъ общее мнѣніе, иначе угрожалъ отрубить ему голову... Мотокъ шелку... Паша держитъ одинъ конецъ, жидъ, развертывая мотокъ, удаляется, скрывается изъ вида паша, подергивая, впрочемъ, нитки; паша ждетъ, что будетъ. Жидъ, за 5 піастровъ (50 коп.) нанимаетъ поселянина подержать другой конецъ, а самъ скрывается. Терпѣніе паша истощилось; онъ посылаетъ солдата, и сей вмѣсто жида находитъ феллаха.

Таковы были встрѣчи и наблюденія архимандрита Порфирія на пути его слѣдованія въ Святую землю, къ главному мѣсту его назначенія. Немного радостныхъ и свѣтлыхъ впечатлѣній получено было имъ на этомъ пути. Немного онъ нашелъ здѣсь возвышенно настроенныхъ и всесторонне образованныхъ людей, къ которымъ бы радостно и неудержимо повлеклось теперь его сердце. За официальнымъ исповѣданіемъ восточными христіанами истинъ православной вѣры невольно чувствовались нѣкоторая поверхностность и неопредѣленность ихъ общаго религіозно-нравственнаго настроенія, нѣкоторая огрубѣлость ихъ чувствъ, стремленій, помысловъ, а иногда даже и ихъ крайняя во взглядахъ на все матеріальность.

Таковы же почти были и тѣ впечатлѣнія, какія получилъ архимандритъ Порфирій при посѣщеніи имъ на Востокѣ православныхъ храмовъ, монастырей и разныхъ другихъ памятниковъ христіанской святыни и старины, лежавшихъ на пути его слѣдованія въ Дамаскъ и обратно изъ Дамаска въ Бейрутъ, по склонамъ и отлогостямъ Ливана и Антиливана. Не на всемъ, конечно, что онъ тамъ видѣлъ и изучалъ непосредственно, но, во всякомъ случаѣ, очень на многомъ отражалась та общая грубоватость взглядовъ, понятій и даже религіозныхъ запросовъ и требованій, какой не могъ не отпечатлѣть нѣсколько грубый вообще Востокъ даже на своихъ болѣе православныхъ и чтимыхъ всѣми святыняхъ. Живымъ отраженіемъ такихъ именно настроеній и чувствъ является, между прочимъ, и ле-

жащій въ горахъ Антиливана мужской монастырь, на которомъ поэтому и остановился съ такимъ особеннымъ вниманіемъ нашъ ученый наблюдатель.

„Прекрасное утро. Въ 9^{1/2} часовъ выѣздъ изъ Сайданайя въ монастырь св. Ѳеклы. Игумень провожаетъ... Видъ монастыря, какъ орлинаго гнѣзда. Слева деревня въ видѣ террасъ, справа монастырь. Лощина глубокая замыкается высочайшими каменными голыми горами, которыя весьма суживаются... Въ глубинѣ лощины журчитъ потокъ, выбѣгающій изъ-подъ горнаго замка. Игумень Захарія—грекъ съ острова Кипра, старый, но бодрый человѣкъ, съ сѣдою бородой и длинною косою... Церковь во имя Предтечи. Ужасъ мой!.. Вонь, всякая всячина, полати на палочкахъ, заваленныя дрянью. Кабакъ лучше этого храма. Налѣво въ какомъ-то притворѣ безъ двери чортъ ногу переломить. Послѣ часа мы пошли къ мощамъ св. Ѳеклы,—весь путь загрязненъ невѣроятно... Церковь бѣднѣйшая подъ огромнѣйшимъ нависшимъ камнемъ, сквозь который каплетъ вода на паперть... Въ капеллѣ горитъ одна большая лампада, висящая съ натурального каменнаго свода. Мощи въ стѣнѣ. По разсказу игумена, монастырь имѣетъ 250—360 черныхъ козъ (я ихъ видѣлъ), два плуга съ четырьмя волами, сѣетъ хлѣбъ, имѣетъ виноградникъ, маслины, собираетъ подаянія. Въ монастырѣ живетъ игумень, да діаконъ; будто бы двое въ отлучкѣ за сборомъ хлѣба. Лѣтъ за 7 почти весь монастырь перестроенъ, и что же сдѣлано? Гостинныя комнаты для богомольцевъ. Подлѣ монастыря—скотный дворъ, внизу маленькіе огородцы на камняхъ; видно, игумень хозяинъ для своихъ выгодъ. Онъ, разбойникъ, крайне сердитъ, неучтивъ, грубъ и недогадливъ. Онъ командовалъ 50 поселянами и разбилъ въ ущелии 600 солдатъ турецкихъ. Ходя въ Іерусалимъ на поклоненіе и за сборомъ, одѣвался по-турецки и билъ бѣдныхъ феллаховъ. По его словамъ, и матеріалы строевые и работники очень дешевы, а въ церкви все ветхо...

Къ сожалѣнію, было въ то время на Востокѣ много и другихъ православныхъ храмовъ, находившихся въ такомъ же, или даже еще въ большемъ запустѣніи и разстройствѣ, чѣмъ только что описанный здѣсь храмъ монастыря св. Ѳеклы. Вотъ что пишетъ архимандритъ Порфирій объ одномъ изъ такихъ храмовъ, лежащемъ у самой Сайданайской женской обители и сравнительно очень недавно еще поновленномъ.

„Изъ уніатскаго храма во имя Петра и Павла (близъ Сайданайя) мы пошли по деревнѣ въ православную церковь

за женскимъ монастыремъ (на сѣверной сторонѣ), подъ каменною горою, построенную въ деревнѣ во имя Предтечи. Церковь эта не мала, но теперь запущена; въ ней не служатъ. Запачкана, загрязнена; иконостасъ въ ней каменный, низменный, поверхъ его видны архитравы изъ камня. Греческая надпись надъ входомъ въ церковь внутри оной доказываетъ, что она обновлена была 1 марта 1745 года, при патриархѣ Сильвестрѣ, иждивеніемъ игуменьи Магдалины изъ Сайданайскаго монастыря и послушницы Нимфодоры. Стало быть, эта церковь построена ранѣе.

Среди цѣлаго ряда такихъ впечатлѣній и картинъ, часто вызывавшихъ архимандрита Порфирія, во время его первой поѣздки на Востокъ, на самыя грустныя размышленія и вносившихъ горечь разочарованія иногда въ самыя свѣтлыя его упованія и надежды, ничто, повидимому, не доставляло ему такого истинно христіанскаго утѣшенія, какъ живыя встрѣчи и благожелательный разговоръ съ людьми истинно христіанскаго чувства и настроенія, дѣятельнаго христіанскаго труда, честнаго отношенія къ своему долгу и къ своимъ обязанностямъ. Это приносило архимандриту Порфирію какое-то особенное чисто нравственное успокоеніе, замѣтно ободряло его въ тяжеломъ пути по неустроенной еще почти полудикой странѣ, освѣжало его силы. Въ обществѣ такихъ людей какъ бы смягчались нѣсколько для архимандрита Порфирія невеселыя вообще картины жизни восточныхъ христіанъ, и онъ снова уже начиналъ смотрѣть вдаль съ прежней надеждой на болѣе свѣтлое для всѣхъ и, какъ ему казалось, болѣе счастливое будущее. При облегающемъ всѣхъ и все густомъ мракѣ даже и небольшіе едва скользящіе огоньки свѣтятъ обыкновенно очень ярко. Такъ было для архимандрита Порфирія и здѣсь, на живописныхъ взгорьяхъ и низменностяхъ Ливана и Антиливана. Нѣсколько живыхъ и благоговѣйно настроенныхъ людей, ушедшихъ въ свое призваніе и въ принятыя ими на себя обѣты, были здѣсь для него именно такимъ свѣтлымъ лучомъ, приносившимъ ему на его тяжеломъ по Востоку пути истинную духовную радость и истинное утѣшеніе. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ „Дневникѣ“ объ этихъ лучшихъ своихъ минутахъ.

„Въ среду, часовъ въ 9 утра, посѣтилъ меня учитель арабскаго языка, о. Іосифъ... Онъ 22 года священствуетъ и трудится безмездно для образованія дѣтей въ здѣшней (Дамасской) школѣ; уча, теряетъ приходскіе доходы; его поддерживаютъ или пропитываютъ дѣти, ходя на заработки; посѣщая христіанъ,

онъ уговариваетъ родителей отдавать дѣтей въ школу. Прежде здѣшніе православные христіане боялись науки, какъ чумы; теперь замѣтна охота къ ученію. Кромѣ школьныхъ и приходскихъ занятій, о. Іосифъ повѣряетъ рукописи, сличаетъ ихъ съ переводами и подлинниками греческими. Это—истинный труженикъ! Но на него мало обращаютъ вниманія. При ревности къ православію и просвѣщенію христіанъ, онъ имѣетъ великую вѣру, смиреніе, безкорыстіе, терпѣніе. Это—человѣкъ Божій. Говоря о своихъ непрерывныхъ трудахъ, убожествѣ, благодати Божіей, и присовокупивъ, что ему недолго остается жить на свѣтѣ, заплакалъ сердечный... Миѣ стало крайне жаль его⁴.

Еще больше нравственнаго утѣшенія доставили архимандриту Порфирію своей вѣрой, благочестіемъ и своимъ необыкновенно живымъ порывомъ къ молитвѣ и умиленію монахини Сайданайскаго монастыря, лежащаго на одномъ изъ взгорій Антиливана, на очень небольшомъ разстояніи отъ Дамаска. Высокое религіозное волненіе, охватившее ихъ такимъ неудержимымъ порывомъ, привело въ совершенно исключительное настроеніе и самаго архимандрита Порфирія и пробудило въ немъ такіа чувства и движеніе души, какихъ онъ, судя по степени ихъ напряженія и высоты, никогда еще не испытывалъ въ себѣ прежде. Это было за два дня до встрѣчи архимандрита Порфирія съ іеромонахомъ-педагогомъ о. Іосифомъ.

„Въ понедѣльникъ, 8 ноября, послѣ литургіи, пишетъ въ своемъ „Дневникѣ“ архимандритъ Порфирій, двойной рядъ монахинь и послушницъ ожидалъ меня между колоннами правой стороны. Я благословилъ ихъ поодиночно. По благословеніи подошла ко мнѣ какая-то старая монахиня и преклонила голову: это значило, что я долженъ читать надъ ней молитву. Лишь только я началъ читать: Царю небесный, Отче нашъ, вдругъ окружили меня всѣ монахини и преклонили головы свои; я очутился среди ихъ и въ священномъ воодушевленіи, послѣ молитвы: помилуй насъ, Господи, помилуй насъ и проч., возврѣлъ на небо и громко съ вѣрою произнесъ молитву: Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди и въ православіи; потомъ присовокупилъ: соблюди ихъ въ цѣломудріи, даруй имъ послушаніе Христово, возвеличи ихъ смиреніе и да совершится сила Твоя въ ихъ немощи, и да изліются на нихъ дары благодати, ради ихъ нищеты произвольныя. Аминь, аминь, аминь!—Всѣ онѣ цѣловали руки мои и воскресилія одеждъ моихъ; инныя прикладывали руки мои къ челу и

очамъ и какъ бы мазали ихъ; инныя взирали на небо и били въ перси свои; этимъ онѣ выражали единовѣріе и молитвы свои къ Богу за меня грѣшнаго. Никогда еще не бывалъ въ подобномъ состояніи; я чувствовалъ въ себѣ какое-то пророческое величіе; въ эти минуты я былъ истымъ священникомъ Бога Вышняго. Слезы оросили мои рѣсницы...

О католической церкви и католическомъ духовенствѣ архимандритъ Порфирій говоритъ въ своемъ „Дневникѣ“ еще короче и рѣже. Изученіе иновѣрныхъ исповѣданій, повидимому, гораздо меньше интересовало его и не входило ближайшимъ образомъ въ кругъ его задачъ и цѣлей. Поэтому онъ прикасается къ этому матеріалу всегда только какъ бы мимоходомъ, вскользь и въ сужденіи о немъ старается ограничиваться большею частію немногими лишь словами. Тѣмъ не менѣе, все то, что ему приходилось слышать здѣсь на Востокѣ о настоятельницахъ одного маронитскаго женскаго монастыря, Гендіе, такъ поразило его и такъ запечатлѣлось въ его памяти, что онъ посвятилъ этой „святой развратницѣ“ гораздо больше вниманія, времени и труда, чѣмъ это, можетъ быть, вызывалось бы обстоятельствами самого дѣла. Вотъ тѣ довольно подробныя сообщенія объ этой странной святой, какія мы находимъ въ его „Дневникѣ“ подъ 28 ноября 1848 года.

„По словамъ стараго и уже слѣпнаго архимандрита Натурскаго монастыря, о Максима, который былъ знакомъ съ Гендіе, она была роста небольшого, глаза имѣла большіе, черные, носъ не малый. Она родилась на Ливанской горѣ, въ деревнѣ Кео... отъ богатыхъ родителей. Вступивъ въ женскій монастырь Пкурке, недалеко отъ Бейрута, она прославилась святымъ образомъ жизни и сдѣлана была игуменью. По требованію папы была въ Римѣ и когда возвратилась оттуда, марониты стали считать ее выше св. Екатерины и Магдалины и всѣхъ святыхъ, и прибѣгали къ ней какъ къ самому Христу; видѣли, что она ходитъ по воздуху на аршинъ отъ земли. При ней былъ ящикъ съ деревяннымъ масломъ; имъ она мазала чело и тогда сообщалась съ духами злыми. Она говорила тогда, что духомъ летала во всѣхъ странахъ земли: въ Индіи, въ Россіи, въ Римѣ и проч., и знала всѣ тайны. Одна послушница сдѣлала подобный опытъ помазанія ея масломъ украдкою, и вдругъ была окружена духами, испугалась и лишилась языка. Марониты отдавали своихъ дочерей въ ея монастырь. Но она зло-

употребляла ими. Въ тайную келью она вводила мушинъ, и тамъ они имѣли плотское общеніе съ дѣвицами, плясали, пѣли. Изъ одного богатаго семейства пошла въ монастырь одна богатая дѣвица. Увидѣла ужасы, рассказала въ домѣ; потомъ ей дали 5 женщинъ и 20 мушинъ для открытія злоупотребленій. Застали преступниковъ и преступницъ на мѣстѣ мерзостей блудодѣянія. Вслѣдствіе сего открытія, эмиръ Юзефъ, явный турка, но потаенный маронитъ, принялъ мѣры и разорилъ монастырь. А Гендіе убѣжала сперва въ монастырь пророка Іліи, а потомъ пропала, куда, но извѣстно“.

О томъ же, но съ очень небольшимъ измѣненіемъ въ частностяхъ и подробностяхъ, рассказывалъ о. Порфирію Успенскому и преосвященный аркадійскій, Захарія. „Честная дѣвушка не хотѣла... когда дошла до нея очередь, и заключена была въ темницу. Здѣсь она написала письмо къ отцу своему, въ Бейрутъ, съ надписью на конвертѣ: „кто любитъ Бога, тотъ турка ли, маронитъ ли, христіанинъ ли, пусть отдастъ это письмо въ Бейрутъ такому-то“. Одинъ поднялъ это письмо и доставилъ его по адресу. Тогда эмиръ Юсуфъ (Юзевъ) съ командою освободилъ дѣвицу, а монастырь съ Гендіе и со всѣми сжегъ. Теперь никто не живетъ въ немъ. Только лѣтомъ пріѣзжаетъ сюда патріархъ маронитскій или легатъ, который возстановилъ его“.

Зачѣмъ пріѣзжалъ сюда время отъ времени маронитскій патріархъ или папскій легатъ? Зачѣмъ этотъ монастырь, столько себя опозорившій, былъ возстановленъ и какой образъ жизни вели монашествующія въ этой возобновленной обители въ ближайшее къ намъ время—объ этомъ архимандритъ Порфирій ничего не говоритъ въ своихъ запискахъ.

Не много свѣдѣній сообщаетъ онъ и объ униатскихъ храмахъ, находящихся близъ Сайданайя, мѣста жительства селевкійскаго митрополита.

„Въ воскресенье, 7-го ноября, пишетъ архимандритъ Порфирій, отъ селевкійскаго митрополита, живущаго въ Сайданайѣ, мы спустились внизъ и осматривали униатскую церковь. Изрядная, большая, съ 3 престолами; четвертый престолъ во имя пророка Іліи съ праваго бока. Католики успѣли уже поставить Распятіе... внести картину съ ихъ святыми; французскія подписи подъ каждымъ святымъ; также на престолахъ, среди православныхъ иконъ, они помѣстили свои,—св. Варооломея и св. Сердце Маріи (у Мадонны представлено пылающее сердце). Изъ этой церкви перешли въ другую униатскую цер-

ковъ во имя Петра и Павла, устроенную въ четырехугольной башнѣ. Входъ въ нее необыкновенно тѣсенъ и малъ, а прежде былъ великъ. На жертвенникѣ малый сосудъ серебряный покрытъ тряпкою... Къ чему служила эта башня, всегда ли была въ ней церковь—не знаю“.

Совершенно другія чувства и настроенія должны были бы наполнять архимандрита Порфирія теперь, по мѣрѣ приближенія его къ святымъ мѣстамъ, къ предмету его молитвеннаго поклоненія и столько живыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ ожиданій. Сюда, на покрытый такими дорогами для каждаго воспоминаніями Востокъ, такъ давно уже и такъ неудержимо влекли архимандрита Порфирія всѣ лучшія движенія его души, всѣ лучшія его чувства, что теперь, у самаго преддверія этихъ дорогихъ для каждаго вѣрующаго святынь, его всегда живое и столько отзывчивое на все чувство должно было бы переполнить все его существо и вызвать въ немъ самыя нѣжныя краски и тона для художественно-благоговѣйнаго описанія того, что теперь въ этой святой странѣ становилось уже живымъ предметомъ его наблюденія.

Но, къ сожалѣнію, рядъ непосредственныхъ и нѣсколько тягостныхъ впечатлѣній, полученныхъ имъ на переѣздѣ отъ Бейрута до Дамаска и первое ознакомленіе съ положеніемъ Христовой церкви въ этой полудикой еще странѣ внесли, по видимому, нѣкоторую горечь разочарованія въ тѣ свѣтлыя ожиданія и надежды, съ какими онъ вѣхалъ на Востокъ, и очень замѣтно отразились на общемъ пониженіи переживаемыхъ имъ теперь чувствъ и настроенностей. А все это не могло не отразиться въ свою очередь и на характерѣ самаго описанія архимандритомъ Порфиріемъ этихъ послѣднихъ стадій его пути отъ Каифы и Яффы (селеніе и городъ на берегу Средиземнаго моря) до Иерусалима. Въ описаніи этомъ не чувствуется уже ни особенно глубокаго настроенія, какое такъ естественно было переживать архимандриту Порфирію въ эти совершенно исключительные для него дни и часы, ни особой силы слова и выразительности. Взятая для этихъ описаній краска и тона вездѣ уже нѣсколько блѣдны и наложены при томъ кистью большею частью очень несмѣлой и какъ бы даже нерѣшительной. У архимандрита Порфирія не нашлось уже какъ будто прежняго запаса силъ и художественнаго вдохновенія для возможно живого и яркаго описанія того, что онъ теперь

видѣлъ, и это въ такой именно моментъ, когда онъ уже приближался къ завѣтной цѣли всѣхъ лучшихъ своихъ ожиданій. Что-то какъ будто надорвалось въ его душѣ, разстроилось, ослабѣло... Даже столько священный для каждаго вѣрующаго Іерусалимъ, открывшійся теперь предъ архимандритомъ Порфиріемъ съ одной изъ прилегающихъ къ этому городу возвышенностей, не вызвалъ въ его душѣ тѣхъ настроеній и чувствъ, рельефное воспроизведеніе которыхъ въ „Дневникѣ“ могло бы составить самыя лучшія и самыя свѣтлыя его страницы. Въ ясный и морозный день 20 декабря, когда караванъ приближался къ этому святому городу, все какъ бы подернуто было для архимандрита Порфирія сѣровой мглой, мѣшавшей ему со всей глубиной отозваться на получаемыя имъ теперь впечатлѣнія, столько глубокія по своему значенію и столько рѣдкія въ жизни каждаго человѣка.

Караванъ, съ которымъ слѣдовалъ архимандритъ Порфирій изъ Бейрута въ Іерусалимъ, шелъ сначала, отъ Бейрута до Яффы, по побережью Средиземнаго моря и все лучшее изъ того, что отмѣчено было за это время архимандритомъ Порфиріемъ, относится къ одной изъ мѣстностей, лежащихъ между Каифой и Тантурой. Вотъ, что написалъ онъ объ этой мѣстности и о движеніи своего каравана на 343 и 344 страницахъ своего „Дневника“, подъ 15 числомъ декабря 1843 года.

„Солнце скрылось за облаками и пошло свѣтить другому полушарію. На золотомъ яркомъ основаніи не долго покоились разноцвѣтныя облака надъ горизонтомъ моря. Насталъ сумракъ; надъ нашими головами свѣтилъ край луны; звѣзды, какъ брилліанты, украшали сине-голубую ризу Господню. Предночіе было тихое, свѣто-тѣнное. Дорога была прекрасная. Наши лошади и мулы шли проворно и охотно. Приближаясь къ Тантурѣ, мы проѣзжали по равнинѣ, зарощенной низменными кустарниками. Дорожка извивалась между ними кривой линіей. Вдучи взади каравана, я любовался, какъ нашъ поѣздъ свивался, развивался; то сомкнется линією, то разсѣчется на куски, и эта живая, движущаяся кривая линія цестрѣла отъ разноцвѣтности одеждъ, отъ большей или меньшей величины фигуръ. Караванный поѣздъ доставляетъ особенное удовольствіе наблюдателю. Одни разговариваютъ, другіе смѣются, иные поютъ пѣсни; этотъ тянетъ изъ фляжки горѣлку, другой доѣдаетъ послѣдній кусокъ; у попа выпадаетъ фляжка изъ рукъ, и онъ наказываетъ ее тѣмъ, что осушаетъ всю, въ надеждѣ наполнить ее на ближайшемъ ночлегѣ; вдругъ является дервишъ

полунагой и своими кривляніями выманиваетъ парички (пара = $\frac{1}{4}$ коп.) у поклонниковъ. Слышишь разныя нарѣчія, любуешься удалствомъ какого-нибудь славянина, который стрѣляетъ изъ пистолета во славу Бога, сотворившаго небо и землю“.

Немного подробнѣе и съ такимъ же почти совершенно спокойнымъ чувствомъ описанъ архимандритомъ Порфириемъ и послѣдній переѣздъ его отъ Рамлы до Іерусалима, на протяженіи около 40 — 45 верстъ. Съ одной изъ лежащихъ на этомъ переѣздѣ возвышенностей открывался уже предъ нимъ и общій видъ на святой городъ, въ которомъ совершенно было столько чудныхъ дѣлъ Христомъ Спасителемъ и сохранено столько дорогихъ для каждаго вѣрующаго воспоминаній. При первомъ взглядѣ на эту древнѣйшую христіанскую святыню „сердце его“, по его собственнымъ словамъ, „затрепетало“. Но и при полномъ избыткѣ чувствъ у него какъ будто не нашлось возвышенно-вдохновенныхъ словъ и выраженій для возможно полного и искренно прочувствованнаго описанія того, что теперь открывалось предъ нимъ въ прозрачно-ясныхъ лучахъ зимняго солнечнаго свѣта. Вотъ тѣ немногія слова, въ какихъ описаны были имъ эти послѣдніе часы его пути къ самымъ дорогимъ для каждаго вѣрующаго святынямъ.

„Послѣ покойнаго ночлега (въ Рамлѣ) мы отправились въ Іерусалимъ въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ. Утро ясное, но холодное. По небу голубому одно солнце катилось величаво. Дорога отъ Рамлы пролежала по взволнованному полю, прямо къ горамъ Іудей. Поле это обработано. Иные посѣвы уже взошли; здѣсь на нивахъ сѣяли земледѣльцы, тамъ они приготавливали поля къ сѣянію. Плугъ ихъ очень простъ и легокъ, оттого, что черноземъ рыхлъ. Пары небольшихъ быковъ и неусильнаго поддержанія плуга достаточно было для взрыхленія земли. Пастухи гнали изъ Рамлы тощій скотъ рогатый. Направо и налево взоръ ничего болѣе не встрѣчалъ вначалѣ, кромѣ яркой, зелени, покрывшей землю; порой взоръ обнималъ далекое пространство напольное, порой ограничивался холмиками и болѣе всего упирался въ горы Іудей, которыя, казалось, прямою линіею лежали на сѣверѣ и югѣ. Вершины этихъ горъ, казалось, подравнены были искусствомъ: ни одна не возвышалась надъ другою. Не высоки эти горы. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ горамъ, тѣмъ взволнованнѣе становилось поле. Возвышенія этого поля суть какъ бы первыя ступени лѣстницы горной, ведущей къ Іерусалиму. И въ земной Іерусалимъ грядемъ постепенно:

сколько же трудныхъ и скорбныхъ путей надобно пройти, чтобы достигнуть до Іерусалима небеснаго? Нельзя спастись грѣшнику скоро“...

„Поднявшись на возвышеніе, гдѣ стоитъ Сарисъ, въ 5 часахъ пути отъ Рамлы, я увидѣлъ Средиземное море и песчаный его берегъ. Синее, какъ второе небо, оно казалось неподвижнымъ стекляннымъ пространствомъ. Спускаясь съ вершины къ деревнѣ Абогошъ (древній Кириатъ—Іаримъ), я замѣтилъ древнее четверугольное зданіе внизу деревни; на немъ, по самой срединѣ, устроенъ сводъ съ окнами по бокамъ. Стѣны свода еще цѣлы, но на самой вершинѣ растеть трава и камни попорчены и частью вывалились. Это была церковь; я не былъ въ ней, но, кажется, теперь загоняють въ нее скоть. Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Деревня Абогошъ не велика, но выстроена изрядно. Дома высоки съ плоскими кровлями. Видно, разбойникъ Абогошъ награбилъ довольно денегъ и дѣлился съ своими товарищами“...

„Отъ Сариса горы выше и выше становятся и всѣ голы. Смотри на эти горы, я согрѣшилъ, подумалъ, что Моисей обманулъ евреевъ, говоря, что онъ введеть ихъ въ обѣтованную землю, кипящую медомъ и млекоу. Пусть никто не говоритъ, что эта земля сдѣлалась такою послѣ распятія Христова. Каменные горы Іудеи были голыми и до Рождества Христова. У подошвы горы, на склонѣ которой построена деревня Kılônieh, подлѣ дороги, стоятъ развалины какого-то зданія, углы котораго складены изъ большихъ камней римской тески. Отсюда, мы взобрались на высокую гору, и, спустя полчаса, увидѣлъ я іерусалимскую крѣпость и часть стѣны, примыкающей къ ней. „Іерусалимъ! Іерусалимъ!“ всѣ закричали. Сердце мое затрепетало, но радостно. Я снялъ камилавку, перекрестился три раза и творилъ молитву: „Боже, милостивъ буди миѣ грѣшному“. Вотъ чувство, возродившееся при первомъ взглядѣ на святой градъ. Оно продолжалось не долго, но было отголоскомъ сознанія души, а не разсудка, которому я не позволялъ на этотъ разъ свѣтить“.

Въ какомъ составѣ и при какомъ количествѣ проводниковъ двигался караванъ отъ Яффы до Іерусалима, къ мѣсту назначенія архимандрита Порфирія,—объ этомъ въ его „Дневникѣ“ не упоминается. Очень можетъ быть, что этотъ путь считался въ то время сравнительно болѣе безопаснымъ и проходилъ

путешественниками съ значительно меньшимъ числомъ проводниковъ и при большей отъ всего безопасности. Но глухой сравнительно путь отъ Бейрута къ Дамаску, черезъ кочевья туркменовъ, и обратно отъ Дамаска чрезъ Бейрутъ къ Яффѣ, пройденный архимандритомъ Порфириемъ съ 26-го октября по 17-е число декабря мѣсяца, былъ, какъ это мы видѣли уже, во всѣхъ отношеніяхъ очень не безопасенъ. Среди взгорій Ливана и Антиливана, въ дикихъ ущельяхъ и заросляхъ, можно было на каждомъ шагу ожидать встрѣчъ и столкновений съ самыми опасными людьми, для которыхъ похищеніе чужого имущества и даже убійство казались дѣломъ почти привычнымъ, не представлявшимъ ничего необыкновеннаго. Вотъ почему для прохожденія этого пути всегда и для всѣхъ требовалась здѣсь хорошо организованная и вполне достаточная по составу лицъ охрана. Таковъ нашъ разноплеменный Востокъ, и таковы нравы извѣстной части его обитателей. Человѣческая жизнь цѣнится тамъ иногда очень не дорого, и потому принятіе извѣстныхъ предосторожностей въ пути считается тамъ безусловно для всѣхъ необходимымъ.

Вотъ почему уже изъ Бейрута, одного изъ главныхъ и очень промышленныхъ городовъ турецко-сирійскаго вилайета, архимандритъ Порфирій выѣзжаетъ, какъ мы это уже и видѣли, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, хотя прилегающая къ этому оживленному пункту мѣстность и могла бы считаться достаточно безопасной и особенно въ такое время дня, въ какое она пройдена была архимандритомъ Порфириемъ—это съ часу дня до наступленія сумерекъ. Далѣе отъ Сайданайскаго женскаго монастыря до мужскаго монастыря св. Ѳеклы архимандрита Порфирія сопровождаютъ игуменъ этого монастыря и четыре проводника, изъ числа которыхъ двое съ ружьями. Затѣмъ, ровно черезъ десять дней отъ этого же женскаго монастыря по пути къ Бальбеку съ архимандритомъ Порфириемъ также слѣдуютъ четыре проводника. Столько же проводниковъ изъ мѣстныхъ служащихъ охраняли его въ пути и отъ монастыря св. Георгія къ Триполи и т. п.

Но при весьма многихъ опасностяхъ этого пути не всегда, кажется, были вполне благонадежны и тѣ лица, которыя принимали на себя обязанность охранять въ этомъ пути мирныхъ путешественниковъ. Въ четвергъ, 18 ноября, на перевздѣ отъ Бальбека къ монастырю св. Георгія, не столько, кажется, устрашали архимандрита Порфирія и его спутника самая опасности

пути, сколько необычайно дикая наружность и совершенно исключительныя душевныя качества одного изъ его проводниковъ, выразившихъ желаніе провожать нашихъ мирныхъ путешественниковъ, хотя бы и единолично. Но этотъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ „благонадежный“ проводникъ болѣе пугалъ нашихъ путешественниковъ, чѣмъ успокоивалъ. Во всякомъ случаѣ онъ производилъ на нихъ очень сильное впечатлѣніе и заставилъ архимандрита Порфирія внести въ его путевой „Дневникъ“ слѣдующія строки, нелишенныя своего интереса.

„Лишь только мы двинулись (изъ Бальбека), къ намъ подъѣхалъ на черной, какъ смоль, арабской лошади, покрытой бѣлымъ чепракомъ съ висящими прядями шерсти, черный мущина среднихъ лѣтъ, сухощавый, съ черной небольшой бородой, и привѣтствовалъ насъ: „Сабакумъ-бумъ-хаеръ“¹⁾. Это былъ Алишейхъ, нашъ проводникъ. Мы хотѣли подождать нашего старика и другого проводника (за которымъ старикъ отправился). Но онъ (Али) махнулъ рукою и сказалъ намъ: „Чего ихъ ждать? Ступайте за мною; я одинъ васъ провожу по всей дорогѣ; здѣсь всѣ знаютъ Али“, и поѣхалъ впередъ.

— Видна птица по полету, сказалъ я о. Григорію.

— Плотоядная птица, батюшка, плодоядная, отвѣчалъ онъ.

— Ястребъ, вижу, ястребъ взялся провожать голубей.

— Обратите вниманіе ваше, батюшка, на его лошадку; каменная, а онъ, окаянный, первый разбойникъ...

Между тѣмъ, подсекакалъ и второй проводникъ, мущина тѣхъ же лѣтъ, круглорожій, черный, высокій, плечистый. Всѣхъ насъ стало одиннадцать.

Мы поѣхали по между-горному полю, впрочемъ, ближе къ Антиливану. Густой туманъ несся съ Ливана въ долину. Стало холодно и сыро.

Позавтракали на коняхъ. Порой я рассматривалъ Алию. Онъ вооруженъ былъ пятью орудіями: двумя пистолетами, двумя карабинами и ружьемъ. На головѣ его была большая чалма изъ пестрой персидской шали. Большіе черные кровавые глаза его вращались безпокойно и выражали непріятную суровость. Продолговатый, прямой нетонкій носъ, весьма большой ротъ съ бѣлыми хорошими зубами гармонировали съ его глазами. Какъ будто двѣ души въ этомъ человѣкѣ; ибо, когда онъ

¹⁾ Вѣрнѣе „Сабехкомъ билхеръ“ — добраго утра.

смѣялся, глаза его нисколько не измѣнились: все были также суровы и грозны. Я не могъ долго смотрѣть на него. Не страхъ, а какое-то непріятное чувство онъ поселялъ во мнѣ. Смотри на его лошадь, я замѣтилъ, что у ней ротъ весь въ крови и ноздри также красныя.—„По сѣдоку и лошадь, думалъ я,—у него изъ глазъ дикость глядитъ, а у лошади его изъ ноздрей пламя пышетъ“. Замѣчайте, батюшка, промолвилъ о. Григорій; лошадь этого разбойника не идетъ тропинкою, а гдѣ и какъ попало. Это значитъ, что она лошадь разбойничья“. Я молчалъ.

Въ деревнѣ Кефръ-ел-Муза (Сефъ Хамусъ), на постояломъ дворѣ, „мы благодарили Али и его товарища; они отвѣчали, что они желаютъ только, чтобы мы были здоровы и спокойны. Хороши слова, но страшень видъ. Али сидѣлъ у стѣны на корточкахъ и подпирался небольшимъ карабиномъ, и при каждомъ шумѣ хватался за пистолеты. Онъ крайне безпокоилъ насъ своимъ присутствіемъ... Наконецъ, онъ ушелъ вмѣстѣ съ товарищемъ, сказавъ, что ему негдѣ спать въ нашей комнатѣ. Мы рады были его отсутствію, но рѣшились не раздѣваться и поочередно бодрствовать... Послѣ молитвы, прохаживаясь по двору, я думалъ о странной участи своей. Досталось же мнѣ ввѣрить жизнь свою разбойнику... Я сравнивалъ себя съ листкомъ, оторваннымъ отъ огромнѣйшаго сѣнолиственнаго дерева и занесеннымъ въ такую даль, гдѣ дикіе звѣри въ образѣ человѣческомъ питаются подобными мнѣ листками.

Очень сильное и также не особенно благопріятное впечатлѣніе произвелъ на архимандрита Порфирія и его спутника, іеродіакона Григорія, встрѣтившійся имъ на этомъ пути шейхъ изъ-за Антиливана (арабскій старѣйшина), отчаянно скакавшій въ погоню за кочевавшими здѣсь тюркменскими грабителями, осмѣлившимися похитить у него часть его скота и хлѣба. Вотъ что пишетъ объ этой встрѣчѣ самъ архимандритъ Порфирій на 276 страницѣ своего „Дневника“, подъ 18 числомъ ноября 1843 года.

„Лишь только мы переѣхали ручей (въ кочевьяхъ тюркменновъ, у оконечности Ливана), замѣтили скачущаго всадника. Сблизившись съ нашими проводниками, онъ остановился на минуту и сказалъ мнѣ нѣсколько словъ. Въ эту минуту я замѣтилъ, что онъ былъ вооруженъ. По разспросѣ оказалось, что этотъ всадникъ есть шейхъ изъ-за Антиливана. Кто-то изъ тюркменскаго кочевья укралъ у него часть хлѣба и скота, и онъ пустился одинъ въ погоню отыскивать

воровъ.» Что будетъ съ ворами, если онъ отыщетъ ихъ?» спросилъ я. „Въ его глазахъ, по его требованію, отрубятъ имъ головы, и этимъ кончится судъ“, отвѣтилъ о. Григорій. А почему онъ одинъ отважился преслѣдовать воровъ и такъ далеко? Здѣсь боятся не лицъ, а цѣлаго племени. Убить шейха,—значитъ возбудить все его племя и проч. Ну, люди здѣсь, подумалъ я и взглянулъ на небо, и оно было мрачно“.

Это были холодные зимніе дни, когда и яркое южное солнце не могло не завлакиваться время отъ времени тяжелою пеленой густыхъ облаковъ и притомъ очень надолго. Но для архимандрита Порфирія замѣтно омрачался въ эти немногіе дни какъ бы и самый Востокъ со всѣмъ тѣмъ, что онъ теперь тамъ видѣлъ и слышалъ. Очень многія его древнія святыни и достопримѣчательности казались теперь архимандриту Порфирію освѣщенными какимъ-то особеннымъ печально тусклымъ свѣтомъ; на все налегала въ его глазахъ тяжелая тѣнь отъ неполноты свѣта и тепла въ сердцахъ восточныхъ христіанъ, отъ недостатка въ нихъ истинно-религіозныхъ чувствъ и настроенностей. Холодная и сухая во всемъ официальность; излишне матеріальный расчетъ въ живомъ соприкосновеніи съ предметами, запросами и требованіями самаго возвышеннаго характера; нѣсколько небрежное, а иногда даже и совсѣмъ неряшливое отношеніе очень многихъ лицъ къ высокимъ предметамъ вѣры и благочестія; глубокой вѣроисповѣдныи и національный разладъ тамъ, гдѣ, казалось бы, было мѣсто для одной только христіанской любви, для добраго со всѣми мира и доброжелательства,—вотъ то болѣе общее и болѣе замѣтное для всѣхъ, что по преимуществу характеризовало въ то время нашъ разновѣрный Востокъ и что очень часто было живымъ предметомъ непосредственныхъ наблюденій архимандрита Порфирія, а иногда и тревожнымъ источникомъ его очень горестныхъ думъ и разочарованій.

Непосредственныя послѣдствія всего этого были для архимандрита Порфирія, повидимому, очень неблагоприятны. Благодаря тому, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, не только весь путь его отъ Константинополя до Іерусалима, но даже и столько волнующее всѣхъ приближеніе къ этому святому городу и даже самый въѣздъ въ Іерусалимъ не отозвались уже въ его душѣ тѣми высокими отзвучіями, какія всегда такъ свойственны были его необыкновенно гибкому уму и столько отзывчивому на все сердцу. И это замѣтно отразилось даже и на самомъ

стиль его письма, всегда такомъ гибкомъ, образномъ и живомъ; но теперь какъ бы утратившемъ уже очень значительную часть своей общей силы и выразительности. Въ художественномъ словѣ, какъ и въ живописи, быстро блѣднѣютъ всѣ краски и тона, разъ только въ самомъ художникѣ замѣтно падаетъ по-чому-либо его собственное чувство и настроеніе,—этотъ всегда живой и неизсякаемый двигатель высокой мысли и художественной красоты во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.

А. Красевъ.

